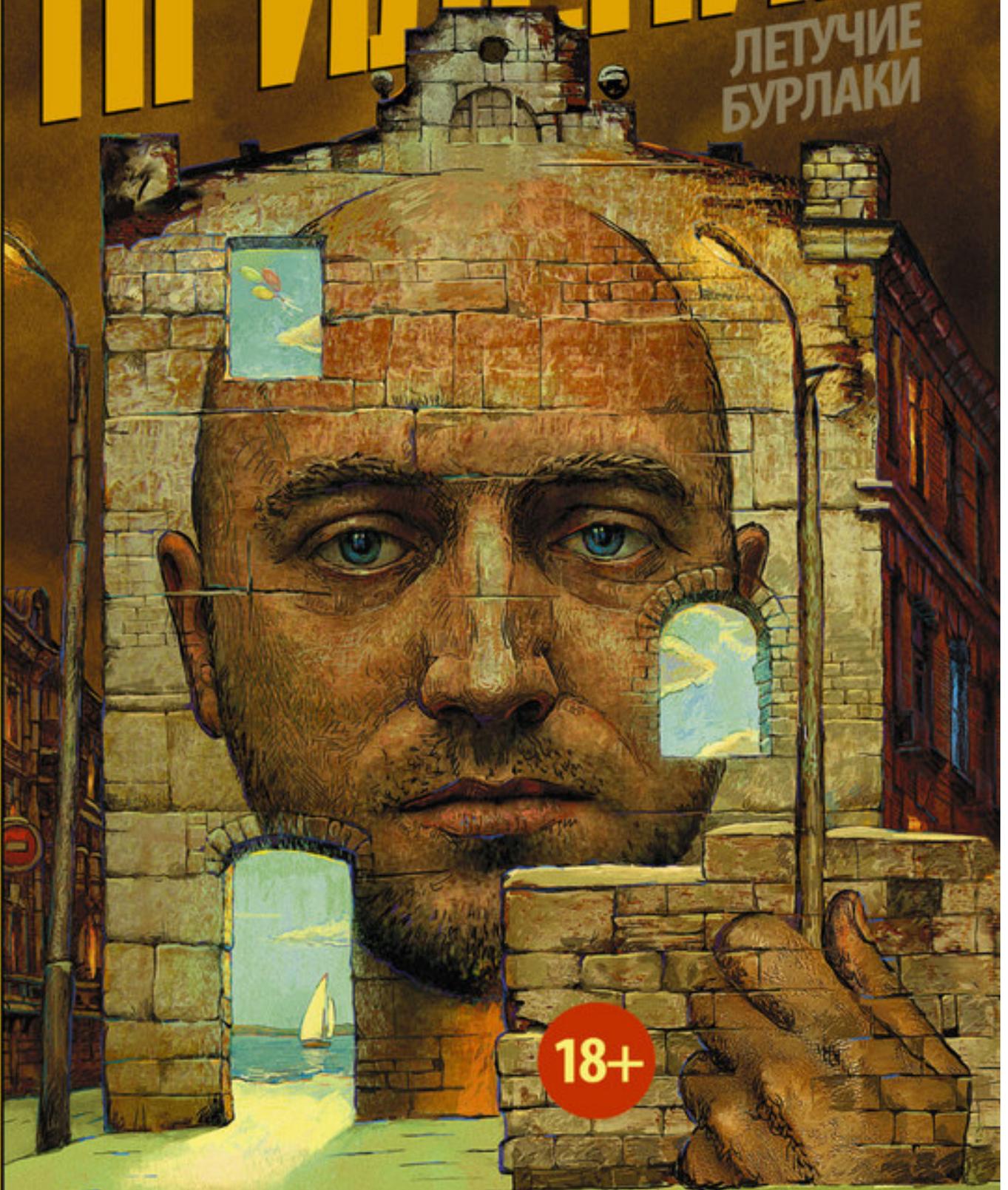

Л Е В Ы Й • М О Л О Д О Й • З Л О Й

ЗАХАР

ПРИЛЛЕПИИ

ЛЕТУЧИЕ
БУРЛАКИ

18+

Захар Прилепин
Летучие бурлаки (сборник)

«Издательство АСТ»

2015

Прилепин З.

Летучие бурлаки (сборник) / З. Прилепин — «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-088415-5

Захар Прилепин – прозаик, публицист, музыкант, обладатель премий «Национальный бестселлер», «СуперНацБест» и «Ясная Поляна». Автор романов «Обитель», «Санья», «Патологии», «Чёрная обезьяна», сборников рассказов «Грех», «Ботинки, полные горячей водкой» и «Восьмёрка». В книгу «Летучие бурлаки» вошли новые, не публиковавшиеся ранее эссе Захара, написанные в последние три года: о «либералах» и «патриотах», о детях и семье, о литературе и кино – все они неизменно вызвали широкую полемику в обществе.

ISBN 978-5-17-088415-5

© Прилепин З., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Всё получилось само собой	6
Скажу о том, о чём верней смолчать	8
Летучие бурлаки и улыбчивые дворяне	12
Имя, которое надо заслужить	15
Письмо товарищу Сталину	19
Почему я не либерал	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Захар Прилепин

Летучие бурлаки (сборник)

© Захар Прилепин

© ООО «Издательство АСТ»

Всё получилось само собой

Ряд эссе, составивших данную книжку, прочитало большее количество людей, чем мои романы или рассказы.

«Письмо товарищу Сталину», «Доброкачественные люди», «Почему я не либерал» – эти статьи перепечатывались в газетах с миллионными тиражами, выкладывались на десятках сайтов, на них до сих пор дают всё новые ссылки в социальных сетях. Из ответов на «Письмо товарищу Сталину» можно было бы сделать отдельную книгу, но мы не будем этим заниматься.

Другие эссе, напротив, никто толком не читал – потому что писались они для зарубежной периодики либо для провинциальных малотиражных изданий.

Некоторые из собранных здесь текстов сначала появлялись на сайте «Свободная Пресса», после чего, как правило, перепечатывались в газете «Советская Россия», а следом – лучшие из них – публиковались в журнале «Наши современник».

Другая часть статей была опубликована в журнале “Story”, куда я перебрался, когда понял, что в «Огоньке», где несколько лет был постоянным колумнистом, меня уже не очень ждуют.

Пользуясь случаем, хочу сказать, как я благодарен Владимиру Чернову – создателю “Story” – не столько за возможность публиковаться (с этим никогда не было никаких проблем, проблема – помолчать год-другой), сколько за поддержку. Светлая память, Владимир Борисович.

Ещё часть статей была обнародована в разнообразном глянце, названия которого я сейчас не упомяну.

Несколько текстов сохранились от лучшего в России за последнюю четверть века журнала (во втором явлении – интернет-портала), который назывался «Русская жизнь».

Основные претензии по поводу этого сборника мне известны заранее.

Главная: почему так много о либералах.

Ничего не много: дюжина статей.

«Ты нас ругаешь, а мы и так лежим, побиты и растоптаны, как тебе не стыдно!»

Как будто когда, к примеру, Лесков или Достоевский ругали либералов – либералы управляли страной. Тогда либералов в подзорную трубу было не рассмотреть, но что-то заставляло уважаемых классиков с маниакальной привязчивостью говорить о волнующем их.

Какие-то нехорошие предчувствия двигали ими, не правда ли?

Потому что сегодня – да, либеральные деятели вроде бы растоптаны и побиты; а завтра смотришь – а они уже здесь, уже в силе, уже в праве, уже во главе.

«Они всегда возвращаются».

Что до моих побуждений говорить об этом – то и здесь у меня всё как-то случайно, само собой получилось.

Я вполне мирно воспринимаю либерализм в качестве идеологии; просто зачастую те, кого я называю либералами в России, таковыми являться не вправе по определению. Но если вам, читатель, нужно, чтоб я их называл другим словом, – придумайте его. Либо выгоните этих самозванных либералов отсюда, чтоб они не портили такое славное (впрочем, всё равно во многих частностях глубоко чуждое мне) учение своим видом.

О российском либерализме (после моего осознанного бешенства девяностых – начала нулевых) я заговорил ни с того ни с сего через полгода после Болотной площади, и потом не мог успокоиться в течение пары лет. Каждые две недели я писал новую колонку о либералах в тщетной надежде хоть что-то им доказать. Не тут-то было.

Следом началась украинская эпопея, в которой российские либералы в целом выступили не на стороне России и людей, считающих себя русскими, а на какой-то своей стороне.

Увидев всё это, я наконец уговорился, потому что стало ясно: пару лет я стрелял именно по тем мишеням, по которым следовало стрелять, – и теперь все вопросы сняты.

Выяснить больше нечего. Российский либерал оказался ровно тем, что я о нём говорил и думал.

С тех пор я с куда большим удовольствием пишу о детях (что может быть важнее), о моде, о погоде, о литературе наконец. Или – о себе, если приходится к слову.

Нисколько не меньше, чем действительно утратившие свой лоск либеральные деятели, меня интересуют воспрянувшие и расправившие свои совиные крыла патентованные «государственные патриоты» – об этой подлой породе тоже приходится говорить.

Многие тексты, которые писались в недавнее время по конкретным поводам, сюда не вошли – ради них мы, быть может, сделаем отдельную, дневниковую книжку, чтобы понять, в чём приходилось ошибаться, а где сказанное – было в цель.

Что до нижеприведённых статей – то, написанные в последние три года, они, к сожалению, актуальности не утратили. Я прочитал их сегодня с тем чувством, будто вчера вечером написал: они тёплые и слегка назлектризованные.

Посмотрим, что будет с ними, скажем, года через три.

Книгу эту я поначалу хотел назвать «Юный, злой, левый». Потом подумал, что её можно назвать «Старый добрый консерватор». В России это одно и то же.

В итоге назвал так, как написано на обложке.

Скажу о том, о чём верней смолчать

Русская душа – понятие ругательное. Если хочешь прослыть чудаком, а то и дураком – с болью, всерьёз говори про русскую душу или русский характер.

У Сергея Есенина была такая, почти уже непоэтическая строчка: «Я люблю Родину. Я очень люблю Родину». Размер сломан: душа безразмерна.

Если сегодня такое сказать – пожмут плечами, скажут шёпотом: «Наверное, на зарплате», – и кивнут головой в сторону невидимого за снежной мглой Кремля.

Русская душа боится говорить вслух, не хочет принимать решений. В России все глобальные решения принимают природа, поэзия, география.

Но неправда, что в России всё размыто, невнятно.

Напротив, у нас всё очень ясно: зима, весна, лето, осень. Времена года – не перепутаешь, не в Греции. Вот валенки, вот калоши, вот босой пробежался, вот пора резиновые сапоги натягивать, а то грязь до горизонта.

Русская душа живёт тихо, как картошка в подполе, никого не учит жизни.

Мне случается бывать за границей, и, едва приезжаю в чудесный Париж, мощный Берлин, непостижимый Рим, великолепный Нью-Йорк, преисполненный достоинства Лондон или даже в печальную, очаровательную Варшаву, сразу начинаю что-то объяснять местным про свою страну. То есть не я первый начинаю – это они спрашивают, мне приходится отвечать.

«Ну что у вас там с этим? – спрашивают. – Ну что у вас там с тем?»

Что, мол, кран не завернули, опять лужа. Да там всегда была лужа, говорю.

А что настроили там опять, тюрьму, что ли? Не знаю, говорю, может, и тюрьму.

Россия всегда как бы виновата. Даже если, скажем, в Грузии что-то разошлось по шву, или на Украине не срастается, – наша вина.

Антарктида, Азия, какая-нибудь Америка – всегда может русский след найтись, всегда можно с русского спросить.

С одной стороны, есть внутри радость, что о нас беспокоятся, о нас думают, нас, можно сказать, жалеют.

С другой стороны, вот вы представляете себе такую ситуацию: приехал к нам француз, мы пошли его встречать, и с ходу спрашиваем: а что, мол, лягушатники, за разврат вы устроили там у себя?

«Какой разврат?» – спрашивает озадаченный француз.

Мы ему: «Известно, какой. Отвечай давай, что происходит».

Француз виновато улыбается, смотрит по сторонам – может, кто знает ответ, – а мы ему: «Чего умолк?»

Нет, здесь такого быть не может. Никто не спросит с француза, с португальца, с хорвата или даже с немца ни за что.

Нет у нас ни вопросов, ни ответов.

Русский может проявить бравату, но и то – спьяну, или если раззадорят.

Иногда толпа выйдет за околицу, но, глядь, и уже обратно торопится.

В целом же Россия никуда не движется, у нас всегда XVII век, как нам сказали. Либо движется к тоталитаризму, который других отчего-то всегда пугает больше, чем нас. Либо она просто в тупике.

В общем, если все три ответа объединить, то Россия веками стоит на месте в тоталитарном тупике.

Естественно, её зовут оттуда уйти: к нам, к нам, иди к нам, на нашу лужайку, выходи из тупика, у нас тут травка, бадминтон, сейчас принесут десерт.

(Как будто Россия, по меткому замечанию философа Владимира Бибихина, «имеет только одну идею: выровняться с Западом», от которого отстала, отстала, отстала, – Россия, ты видела ведь, как чех вырвался вперёд? венгр? румын? голландец? эстонец? испанец? что значит «не видела»? присмотришься, корова!)

Но Россия никуда не спешит, пасётся, как на привязи.

Соответственно, если сама страна не движется, то и русская душа переживает многие сложности. Она либо ещё в младенчестве, либо уже раба. Такое вот небывалое сочетание. Только родилась, но уже отупела, сникла, сдалась.

У русской души всегда есть обязанности: выйти на свет, соответствовать санитарным нормам, выучиться манерам, а если вдруг заговорила – заткнуться наконец.

Прав гораздо меньше: «едва вошла – уже наследила», «мы знаем, к чему ты клонишь» и прочее, прочее, поэтому какие ещё права, сначала научись вилку держать. Уже тысячу лет держит вилку, а всё равно не верят в то, что умеет её держать, – так и хочется этой вилкой ткнуть в кого-нибудь со зла.

Русской душе всё время предлагают зеркало, подносят к самому лицу, как будто она близорукая: полюбуйся. (Слышится при этом: полюбуйся, животное.) В зеркале какие-то корни, или кишки, чернота, сырость. Может, это вид на дерево снизу, может, портрет коровы изнутри, может, ещё что-то непотребное.

У всех есть представление о нас, одни мы о себе представления не имеем.

Когда русское пытаешься формулировать на европейский лад – оно рассыпается, поэтому философию нам всегда заменяла литература. Что такое немец – можно гениально сформулировать, немец и сам гениален; а о том, что такое русский, говорят, говорят, говорят, будто бы в бесконечном припадке, сразу сто героев Достоевского – все одновременно, все наперебой, – голова кружится, но ничего не ясно.

Наша философия – это почти всегда музыка. Русские философы писали прозу (берём с противоположных сторон по фамилии – Константин Леонтьев и Чернышевский), либо философию писали как прозу (Розанов), либо писали стихи (Вячеслав Иванов, Флоренский, Лосев), либо писали философию как стихи (Бердяев). Либо, наконец, писали и философию, и стихи, и прозу (Мережковский, Андрей Белый). Да что там: Ленин – и тот называл себя «литератор».

Может, в России не всегда нужна мысль, достаточно одного языка, если ты умеешь им сказать, пропеть на нём?

«О, Руськая земле, уже зашеломянем еси!» – разве после этих слов что-то требуется доказывать?

Русское кроется в чём-то таком, что больше человеческого (потому наша жизнь часто бесчеловечна).

«Внешний образ раба, в котором находится наш народ... не может служить возражением против её призвания, но скорее подтверждает его. Ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего», – писал философ Владимир Соловьёв.

Вы можете сказать, что в этом и кроется исток извечной русской безответственности, а мы ответим, что в этих, более ста лет назад сказанных словах Соловьёва кроется пророчество того, что русский первым шагнёт в космос: если сила его не от мира – ему за пределы мира и предназначен первый шаг.

Русский характер силён тем, чем слаба русская душа.

Русский характер безропотен – русская душа гонима, бита.

Русский характер суров, твёрд, морозоустойчив – русская душа приморожена, припорошена, медленна.

Русский характер говорит сам за себя – русская душа малословна, а то и бессловесна. Поэтому всегда присматривайтесь к тому, кто кричит, что он самый русский: русские, как правило, не кричат. Разве что «ура!», да и то, чтобы переорать смерть.

Русский характер к брани не склонен: всякой руганью у нас занимаются отдельные специально обученные, подлые люди: блатные, государственные патриоты. Русский делает своё дело молча, никого не пугая, а русская душа сама всего боится: а вдруг я корява, крива, косолапа? – лучше смолчу!

По сути своей русский характер беззлобен (иначе перебили бы ещё тысячу лет назад всю чужь и мордву вокруг, а не жили бы так, как её и нету), а душа – доверчива, оборачивается на любое тепло, хоть оно зачастую обманное.

Русский характер не склонен к покаянию, потому что русская душа всегда раскаянна. (Да и не вред помнить, что на нашем покаянии чаще всего настаивают чужие – это ли не невидаль! Мы убивали сами себя, а каяться должны перед европейцем или родства не знающим космополитом. Что за глупость! Мы готовы перед собой покаяться, но с чего нам каяться перед тобой, пришлый человек? Иди себе с Богом, не мозоль глаза, без тебя тошно... А если ты вдруг русский, так кайся тогда сам, а не проси об этом соседа.)

Русский характер готов к плохому как к родному. Русская душа не имеет интуиции – а зачем: она и так знает, что всегда будет трудно. В России всегда было мало предсказателей, только юродивые. Юродивые праздники не предсказывают. А зачем предсказывать – наши праздники мы и так помним: Христос родился; война закончилась. Вокруг них и хороводим.

И для русского характера, и для русской души Родина – высшая свобода.

Нам объявили, что свобода заключается в перенесении физического тела из точки А в точку Б. Запутали нас – и корова, наевшись дурной отравы, однажды сорвалась с привязи, побежала на лужайку за бадминтоном и десертом (пока ещё бегают, резвится, а ведь на её вопрос «где мой десерт?» могут однажды ответить: «десерт – это ты»).

Путешествие – это хорошо, любопытно, но свобода всё равно в другом. Некоторые уже догадались о том. Не догадались только бестолковые, но от них не избавишься, их надо беречь, чтоб не быть на них похожими.

Центр тяжести всегда внутри человека, а не вовне его.

Сергий Радонежский никогда не был за границей. Протопоп Аввакум не был. Александр Пушкин никогда не был за границей. Серафим Саровский не был. Зоя Космодемьянская тоже не была.

Или вы всерьёз думаете, что свободнее их?

Лев Толстой и Сергей Есенин были за границей – но бежали оттуда, сломя голову. Унесли в себе свою неизъяснимую свободу.

В той деревне, где я живу, – десять лет назад не жил почти никто: один дед, один алкоголик, один ослепший мужик с женою – в деревне слепому проще, повсюду – простор, запнуться не за что.

Вокруг лес, дороги сюда никакой, ни один трамвай не докатится, даже если заблудится.

Но в последние три года сюда, один за другим, стали возвращаться дети, выросшие тут в восьмидесятые и девяностые: ну, из поколения «свободных».

Каждый в городе нажил свой трудный рубль, посетил Европу, Азию, дальние материки. Прошло два десятилетия и – повлекло в дом.

За всю страну не скажу, а тут вижу: появились у прадедовых ветхих изб крыльцо спереди и пристрой сбоку, сняли старую крышу, покрыли новую, баньку возвели, отыскивали печников – сложили новые печи в домах (газ сюда не провели, у нас чаще газифицируют, скажем, Чечню, до Чечни трубу ближе протянуть; что ж, мы всегда так делали).

В любой свободный день, во всякий выходной соседи мои съезжаются сюда, привозят детей. Развлечений тут никаких – вышел в лес, вернулся из леса. Дошёл до реки – пришёл

обратно. Никакой свободы, одна природа. Но не надоедает никому. Все мечтают спрятаться здесь и никуда больше всерьёз не выезжать.

Летом тут жарко, зимой – холодно, всегда холодней, чем в городе. Сейчас, хоть и до весны рукой подать, а всё равно минус 27.

Соседи затопили печи.

Посмотрел в окно: стоят дымные столбы – придерживают небосклон.

Летучие бурлаки и улыбчивые дворяне

Отшельник, воин, человек книжного знания, многодетный отец, бессребреник, лётчик-испытатель, монах. Такие редкие нынче типы, один их вид вызывает скучающую гримасу: ну да, бывает.

Мимо них проходят с чувством некоторого стыда: поскорей бы отвязаться, а то вдруг попросит займы.

«Ты заметил, у него что-то такое с лицом? – Что? – Да не знаю... Что-то такое...»

Обладатели прекрасных лиц, сногшибательных улыбок – они другие.

У них не 32, а 44 зуба, порой встречаются особи, у которых до 76 зубов.

Когда они улыбаются – в комнате словно загорается лампа на 200 ватт.

Боги социальных сетей, короли уличной журналистики, ведущие шоу «Полезай за мной в замочную скважину» («Это не так стыдно, как тебе казалось»), предвыборные напёрсточники, сардонические молодые мужчины, придумавшие слово «совок» и слово «рашка» (никто у них никак не спросит, а что они такого придумали ещё), завсегда и клубов для не таких, как все (можно грубей: не для таких, как это было с их прокисшими на кухнях жёнами), неспешные люди со своими богами – а их боги не чета нашим, потому что придумали фейсбук, как заработать миллиард и ни с кем не поделиться, другие «модные темы».

Они могут позволить себе прожить пять лет в Индии, потом вернуться и сказать: ну что, всё копошиться, жуки земляные?

Им, вы не представляете, в *duty free* уже скучно – что там можно купить?

У них есть свои писатели – один про чапаевские грибы, другой про великосветских сыщиков, третий про сахарных опричников.

У них есть свои причуды, которые дороже наших чудес.

Они скучают на вершине пищевой цепочки.

Любая девушка мечтает продолжить их род, но у них уже имеется жена в Лондоне, кроме того, они всё чаще размножаются почкованием. Когда им попадает в руки девушка (глаза как у ошарашенного инопланетянина, губы как летние ягоды, волосы пахнут морем, из моря за этими волосами стремятся выйти Пойседон, Одиссей, 33 богатыря, ноги не кончаются никогда, как самый увлекательный в мире сериал), – так вот, когда им попадает в руки такая девушка, они долго ворочают её с места на место – не появилось ли на ней что-то, не знаю, новое... да нет, всё как и было... всё уже было. Скучно. Сделай мне как-нибудь вот так. Нет, всё равно скучно.

В их жизни всё уже случилось.

Это у нас не было ничего.

Вы не найдёте себя в журнале *GQ*. Вы не прочтёте о себе в журнале *Maxim*.

Чувствуете, какая между нами пропасть?

Мы разбегаемся и прыгаем, чтобы попасть туда, к ним. Падаем вниз без звука. Внизу, на самом дне, нас уже миллионы, от нас остались только кости и брызги, но мы не унываем. Может, всё-таки допрыгнем?

И-э-эх, р-раз!..

Эти летучие бурлаки ждут своего Репина.

Русский человек, сделай нам на прощанье ручкой, когда разбежишься в свой последний прыжок.

Россия – страна огромная, как самая дремучая сказка, страна, рядом с которой любое ура-патриотическое кино смотрится как глупая шутка, страна, которая стесняется своего роста на балу карликов («Смотрите, смотрите, какая уродина! Нет бы отрезала себе обе ноги – была

бы похожа на нормальную!»), страна, которая начинается здесь, в темноте, и кончается под самым солнцем, – эта страна, пора признать, выбрала себе неправильную элиту.

Наша аристократия – самозванцы.

Все они сверлят этой стране грудную клетку, извлекая оттуда всякую всячину (при этом ругаются: «Какой запах от неё, чувствуешь? Как от дохлой коровы») – алмазы, уголь, кровь, нефть, печёнку, селезёнку.

Иногда кто-то окликает их: «Э, куда потащил?». «Да ладно, – отвечают. – Там ещё полно всего!»

Чтоб не цедить по чарочке, проткнули в боку у страны дыру, оттуда хлещет непрерывно – одни пьют, другие купаются, третьи наполняют и грузят бочки, четвёртые запускают в создавшейся луже свои яхты, пятые сделали там джакузи.

На одной из конечностей страны сидит китаец, или японец, так сразу и не разберёшь, улыбчиво спрашивает: я вот посюда отрежу? отрежу ведь?

Да отрежешь, отрежешь. Подожди, сейчас все лягут спать, и отрежешь. Какой нетерпеливый.

«А это что у вас такое растёт? С листьями, в коре? Можно возьму в аренду?» – спрашивает он, кто-то из них двоих.

А вот в аренду возьми прямо сейчас. В аренду – это ничего. Мы сами тут тоже на всё оформили аренду, не успеваем освоить. Летишь на самолёте и печалишься – всё стоит неосвоенное.

Теперь-то мы знаем, нам только недавно объяснили – в России всегда было нехорошо: царь в бороде, соломенные крыши, бьётся в тесной печурке огонь, Стенька Разин, огурцы солёные, капуста кислая, лёд без виски, эх, дороги, пыль да туман, холода, тревоги да степной бурьян.

Пора наводить порядок в этом бардаке, причёсывать космы, стричь когти. Возвращаться в человеческий вид.

Нам забыли сказать, что Россия тысячу лет непрерывно росла и пухла как на дрожжах, Россию сами все звали в гости и говорили: бери всё, это твоё, теперь будет наше, иногда, впрочем, не звали, но это, как Хармс писал, ничаво, это ничаво, зато Россия расплзлась так, что полезла в космос, кроме того, ей было дело до всех мировых океанов и льдов – она везде запускала свои подлодки, свои самолёты, свои атомоходы, свои спутники.

На фоне России нецивилизованной – Россия цивилизованная какая-то дура в бигудях. Её сдержанно похваливают, она шмыгает носом.

Это невыносимо видеть.

В России приживаются только аскеза и труд.

Всё остальное – от лукавого.

Здесь, говорим мы, бродят, шепчут о своём, смотрят на восход отшельник, воин, человек книжного знания, многодетный отец, бессребреник, лётчик-испытатель, монах.

Здесь доблесть – воинская служба, смирение и пост.

Насилие, сказал один умный человек, земля ему пухом, происходит там, где не было вовремя совершено усилие.

Если мы совершим над собой усилие и сменим новоявленную элиту на ту, которая здесь всегда была и которой здесь место, – мы избежим насилия.

Но мы усилия не желаем.

Нам говорят: «Да ладно, хватит занудствовать, люди отдыхают, – если сам не умеешь так – не завидуй».

Я и не так умею. Мы умеем так отдыхать, что их золотые яхты, белые дороги и розовые куклы померкнут на нашем фоне. Мы умеем разжигать такие костры, через которые вы не перепрыгнете.

«Ну так отдыхай, – говорят нам. – Люди отдыхают и, кстати, не только отдыхают, но и делом заняты, платят налоги, без них вообще была бы труба. Не мешай им работать и отдыхать – они же тебе не мешают... А?»

Они мне мешают.

Имя, которое надо заслужить

Поднимая такую тему, рискуешь многих обидеть.

Но не молчать же теперь.

У нас что ни скажи – кому-нибудь на ботинок обязательно наступишь. Тебе самому уже на голову залезли с ногами, а ты всё равно помалкивай, а то оскорбишь чьи-нибудь чувства.

О наших чувствах кто-нибудь подумал?

Так что усаживайтесь поудобнее на нашей голове, сейчас поведём речь о трудных вещах.

В наших краях водится одна невидаль, имя которой – имперский человек.

Он сам, может, и не знал никогда о том, что относится к подобному виду, но это ничего не меняет.

Традиционно считается, что имперский человек – существо недоброе, мрачное, тяжело-весное, мешающее всем жить.

Другое дело – житель «нормальных стран», европейских, в нынешнем их виде. Там, как нам недавно объяснили, – веротерпимость, толерантность, права, цивилизация.

Так и есть, никто не спорит.

(Самим дороже обойдётся – спорить.)

Но несколько замечаний, никому ни в ущерб, мы всё-таки попробуем сделать.

Если империя существует хоть сколько-нибудь продолжительное время – она должна проявлять чудеса веротерпимости, спокойствия и просто необычайной толерантности, даже если самоб этого слова не знает вовсе.

Названия болезням (или лекарствам) придумывают те, кто заболели сами.

Если в России никогда не существовало слова «толерантность» – это не значит, что не было её самой.

Если кто-то слишком много говорит о толерантности, есть смысл заглянуть ему в личное дело. Или в историю болезни.

Сам факт долгосрочного существования империи – наилучшее доказательство того, что на соседа тут издавна смотрят спокойно: живёт и живёт.

Да, всякое бывало, но мы всё-таки будем говорить в целом, не размениваясь на частности. Знаю, что на каждое моё слово у кого-то найдётся в запасе история: «...а вот у меня сосед», или «...знаем мы, какие вы соседи». Но, чтобы не увязнуть в подробностях и договорить до конца, нам придётся обобщать.

Даже в Древней Руси попавшего в плен чужака не делали рабом навечно, но, согласно удивлённому свидетельству Маврикия, после определённого времени предлагали ему убраться за выкуп восвояси или «остаться на положении свободных и друзей»!

Русскому человеку издавна льстит, что нерусский человек работает с ним, в общей нашей стране, делит его славу и его горести.

Листал вчера детскую энциклопедию географических открытий (сыну подарили на день рождения), снова испытывал это чувство. Беллинсгаузен Фаддей? Наш, русский, первооткрыватель! (Остзейский немец родом из Эстонии.) Беринг Витус? Наш, русский, первооткрыватель! (Датчанин.) Да и Ермак тоже – много вы знаете русских людей по имени Ермак?

«Я русский! Какой восторг!» – говорил гениальный полководец Александр Суворов.

Какое счастье, что этот восторг может быть заразительным.

Немного эфиоп Пушкин, чуть-чуть шотландец Лермонтов, полутурок Жуковский, отчасти немцы Блок и Брюсов – да ради бога. Это не показатель того, что русские сами ничего не умеют, а показатель того, что русским быть заразительно. Багратион, Брюллов, Гоголь, Рокоссовский и сотни сотен других – тому порукой.

Но если наши, выходцы из России, составили едва ли не четверть создателей и легенд Голливуда – нам тоже не жалко, берите. У нас ещё много.

Все желающие войти в нашу цивилизацию – входите и располагайтесь, все желающие выйти – давай, до свидания.

Вы скажете, у всех так? Полноте вам.

К большинству народов на земле не пожелал причислить себя ни один шотландец, поляк или грузин.

Потому что они – не имперские народы.

Очень серьёзная часть народов чуть что самозабвенно перечисляет своих соотечественников (отчего-то, например, писавших на русском языке или воевавших за Россию) и тащит их в собственные святцы вопреки здравому смыслу.

Это тоже не имперские народы, хотя и рачительные.

Есть страны, где чужой никогда не станет своим; самый лёгкий пример – Япония. Великая страна, мы все это понимаем. Гениальный народ, во многом нам – не чета. Но с толерантностью даже в европейском понимании там как-то не очень. Вместе с тем Япония всегда хотела быть империей. Однако с таким подходом, знаете ли, далеко с островов не уедешь...

С недавних пор мы с вами познали множество других примеров: у нас под боком целый рассадник суверенных, на века или временно отделившихся стран, где того же самого русского человека на порог не пустят в качестве весомой или даже почти невесомой административной единицы. «Мы сами, мы сами». Ну, давайте сами – ваше право.

Просто и такие народы тоже империй не строят.

Это не хорошо и не плохо, тоже мне достоинство – строить империю! Забор вон лучше постройте... Это просто такая черта характера, особенность физиологии, которая у кого-то имеет место быть, а у кого-то – нет.

Выпивал как-то за одним кавказским столом с представителями ряда местных народов. В определённый момент один из уважаемых людей встал и поднял тост примерно следующего содержания: Бог знает, что делает, – имперским народом становится самый добрый народ, а вот если бы мой народ и лично я стал бы имперским народом сегодня, и вся сила бы разом оказалась в моих руках, то завтра же я бы перерезал всех, кто собрался за этим столом.

Кавказ – сложная штука, в том смысле, что говорить там могут одно, а думать при этом чуть иначе, но сказал он всё-таки именно так, как сказал, и весь стол радостно и гортанно захохотал; и я, в том числе, тоже посмеялся, потому что тост, в конечном итоге, был за меня.

Имперский человек не жаден – у него всего полно.

По этой причине он порой неряшлив. Кинул пустую бутылку – её ветром укачало до Урала, там где-нибудь потеряется. Сносил лапоть – выбросил в окно, там всё равно бурьян начинается, который под Архангельском сходит на нет, мало ли там других лаптей лежит.

Хоть вы зубы сточите, доказывая, какой ленивый и грязный русский человек, – но езжайте в деревню поволжских немцев, и увидите там тех же русских людей: их русская природа перемолола, и передела в телогрейки, и подарила суровый и чуть лукавый взгляд, и ещё бодрый матерок, и ещё покосившуюся калитку.

...не жаден имперский человек в первую очередь до своей жизни – ибо что его маленькая жизнь стоит на этих огромных просторах.

Европеец понимает, что его мало, и если он не сбережёт свою жизнь, чтоб на его малой земле осталось кому быть, то земля его опустеет. Тем более они там бок о бок живут и все друг друга знают. «Меня убьют, Ганса погубят, Христиана порешат, Андерсена завалят – кто останется тогда?»

Имперский человек, поселившийся в Евразии, уверен, что тут ещё кто-нибудь есть, кроме него, даже если никого уже нет. Как же нет – когда тут столько места, наверняка кто-нибудь должен быть!

Русскому человеку иной раз никого не жалко, но в конечном итоге спасает и даже отчасти оправдывает его лишь то, что в первую очередь ему до самого себя дела вообще нет.

Последние времена мы часто рассуждаем о «безусловной ценности человеческой жизни» там, в Европе, и здесь, у нас, но мне куда более важным кажется неведомое там понятие «смешная ценность собственной жизни».

Пока там воспитывали чувство неизмеримой ценности существования каждого человеческого индивида, здесь – не государством! не опричниками! не басманным судом! а самой природой, чувством огромного воздуха и нетронутого простора, – воспитывалось чувство, что жизнь – моя собственная жизнь – стоит чуть дешевле ломаного гроша, поэтому – чёрт бы с ней.

Кажется, сейчас начались обратные процессы – мы на глазах дорожаем, ценность наша, непонятно, правда, за счёт чего, прёт как на дрожжах, каждый из нас весит как воз с серебром, вместе с лошастью, которая этот воз тащит, и быком, который к возу привязан.

Да что мы сами – наши желания сегодня весят больше, чем в иные времена весили целые деревни со всеми их жителями.

Но мы сегодняшнего человека, особенно горожанина, особенно обитателя мегаполиса, не обсуждаем, а то уйдём от темы далеко и не вернёмся уже.

...русского человека – читай, имперского, – воспитали и создали дикие пространства и недосыгаемость горизонта.

Только невозможность послать вестового из Петербурга на Аляску заставила нас от Аляски отказаться. Но вообще, я серьёзно говорю, вы вспомните, чем была Россия в XIX веке – и чем, скажем, Канада. Если б мы из Аляски двинулись дальше – Россия могла бы заканчиваться под Нью-Йорком. Или возле Никарагуа.

Может быть, даже хорошо, что этого не случилось: империя должна жить кучно, желательно на общей суше, а то получатся Испания с Португалией.

Мы – несмотря на то, что заселяем самую большую территорию от края и до края, – живём кучно и пребываем друг с другом в прямом родстве. Люди в Архангельске и люди в Астрахани, люди в Брянске и люди в Южно-Сахалинске – похожи как братья. Они и есть братья.

Немцы на разных концах Германии, итальянцы на разных сторонах Италии и испанцы в разных областях Испании различаются куда сильнее.

Имперская идентичность – есть, именно о ней мы и говорим.

...несвобода русского человека – блеф.

Европейский человек научился жить под присмотром царя и с царём договариваться о своих правах. А русский человек научился жить без царя в голове.

По мне, так это поважнее будет.

Европейский человек знает, как, где и на что он имеет право, но царь у него поселён в мозгу раз и навсегда. Русский человек знает, что он ни на что права не имеет, и подчиняется, когда ему велят пойти туда-то и принести то-то, но голова-то, голова – свободна. В голове – ветер, среднерусская возвышенность, степь, Сибирь, Камчатка, Сахалин, евразийский сквозняк, хрустальный мороз...

Жестокость русского человека – тоже тот ещё миф. На территории Европы жили десятки славянских племён – большинство из них истребили поголовно. На территории России – кто жил, тот и живёт, никто не затерялся. В одном Приволжском округе – сто народностей.

А Россия ведь может перевернуться на другой бок, свалить целую страну в море и не заметить. Или три страны сразу.

Но ведь бережно переворачивалась всегда. Любой цыплок мог зимовать в этой берлоге – и ничего с ним не случилось.

Есть ли другие имперские народы? Конечно. В конечном итоге они и определяют жизнь цивилизации.

Кому-то это не нравится? Ещё бы, даже нам самим не нравится.

Но если не будет их – всегда найдутся другие имперские народы, и у вас тогда будет возможность сравнить, что лучше. Думаю, кто жил в Орде, а оттуда перебрался в Московское царство, такую возможность имел; жаль, не рассказал о своих впечатлениях.

Кто-то скажет: американцы – имперский народ. Безусловно, да – и мы не шутим. С тех пор как они загнали своих индейцев куда Макар телят не гонял и прекратили линчевать кого ни попадя, янки достигли необычайных высот в сложном деле имперского строительства. Об индейцах они теперь заботятся так, как и о себе не заботятся, а президент у них сегодня сами знаете кто.

Другой вопрос, что и Америка с самого начала была плавильным котлом, и говорить об имперском народе там чуть сложнее. Но то, что США – империя, очевидно; и я вовсе не уверен, что этой стране будет лучше, если она распадется на сто сорок других маленьких стран.

Есть другой пример, более весомый: китайцы. Это для нас они на одно лицо, а у них там 56 национальностей под одной крышей собрались.

Настоящим китайцем, правда, в силу объективных причин белому человеку стать очень сложно. Однако есть вещи, которые с нынешними китайцами прошлых русских очень роднят.

Например, отсутствие страданий по поводу своей личности. Неосознанное – и вместе с тем неотъемлемое – знание о том, что в масштабах истории своего народа, сам по себе ты – меньше, чем единица, – зато в цепи столетий, а то и тысячелетий – ты носитель такого метафизического запаса, что этой гордости тебе хватает с лихвой для самоуважения.

Станем ли мы лучше, если растеряем все эти качества – щедрость, бесстрашие, веротерпимость, ощущение собственной малости пред могуществом тех волн бесподобной национальной истории, что бережно перенесли нас в наши времена?

Станем ли мы симпатичнее, если наша жестикуляция будет скромней, а горизонты ближе, а сердце тише?

Может, мы и станем лучше, когда такое случится, – только это будем уже не мы.

И для нас нужно будет придумать другое имя. Прежнее на нас будет смотреться смешно: оно явно окажется нам велико.

Оно и сейчас нам уже великовато.

Письмо товарищу Сталину

Социализм был выстроен.

Поселим в нём людей.

Борис Слуцкий

Мы поселились в твоём социализме.

Мы распилили и поделили страну, созданную тобой.

Мы заработали миллионы на заводах, построенных твоими рабами и твоими учёными. Мы обанкротили возведённые тобой предприятия и увели полученные деньги за кордон, где возвели себе дворцы. Тысячи настоящих, в золоте и мраморе дворцов. У тебя никогда не было такой дачи, оспяной урод.

Мы продали заложенные тобой ледоходы и атомоходы и купили себе яхты. Это, кстати, вовсе не метафора, это факт нашей биографии.

Поэтому твоё имя зудит и чешется у нас внутри, нам хочется, чтоб тебя никогда не было.

Ты сохранил жизнь нашей породе. Если бы не ты, часть наших дедов и прадедов принудили б кланяться в ноги нацистам, а остальных заморили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока. Ты положил в семь слоёв возвращённых тобой советских людей, чтоб спасти нас.

Когда мы говорим о себе, что мы тоже воевали, мы отдаём себе отчёт, что воевали мы только в России и с Россией. Во Франции, в Польше, в Норвегии, в Чехословакии, в Румынии и далее везде у нас не получилось так хорошо воевать, там нас победили и растоптали. Получилось только в России, где мы обрели спасение под твоим гадким крылом.

Мы не желаем быть благодарными тебе за свою жизнь и жизнь своего рода, усатая сука.

Но втайне мы знаем: если б не было тебя – не было бы нас.

Это обычный закон человеческого бытия: никто не желает быть кому-то долго благодарным. Это утомляет! Любого человека раздражает и мучит, если он кому-то обязан. Мы хотим быть всем обязанными только себе – своим талантам, своему мужеству, своему интеллекту, своей силе.

Тем более мы не любим тех, кому должны большую сумму денег, которую не в состоянии вернуть. Или не хотим вернуть.

Поэтому мы желаем обставить дело так, что мы как бы и не брали у тебя займы, а заработали сами, или получили наследство, или нам кто-то принёс в подарок сто кг крупных купюр, или они валялись никому не нужные – да! прекрасно! валялись никому не нужные! и мы их просто подобрали – так что отстань, отстань, не стой перед глазами, сгинь, гадина.

Чтоб избавиться от тебя, мы придумываем всё новые и новые истории в жанре шулерства и мухлежа, в жанре тупого вранья, в жанре восхитительной и подлой демагогии.

Мы говорим – и тут редкий случай, когда мы говорим почти правду, – что ты не жалел и периодически истреблял наш русский народ и другие наши народы, жившие одной семьёй с русскими. Мы традиционно увеличиваем количество жертв в десятки и даже сотни раз, но это детали. Главное, мы умалчиваем о том, что самим нам нисколько не дорог ни этот русский народ, ни его интеллигенция. В сегодняшнем семимильном, непрестанном исчезновении населения страны и народной аристократии мы неустанно и самозабвенно виним – какой очаровательный парадокс! – тебя! Это ведь не мы убили русскую деревню и русскую науку, не мы низвели русскую интеллигенцию на уровень босяков и бастардов – это, не смейся, всё ты. Ты! Умерший шестьдесят лет назад! А мы вообще ни при чём. Когда мы сюда пришли – всё уже сломалось и сгибло. Свои миллиарды мы заработали сами, своим трудом, на пустом месте! Клянёмся нашей мамой.

В крайнем случае в отмирании русского этноса мы видим объективный процесс. Это ведь при тебе людей убивали, а при нас они умирают сами. Ты даже не успевал их так много убивать, как быстро они умирают сегодня по собственной воле. Объективность, не так ли?

Ещё мы уверенно говорим, что Победа состоялась вопреки тебе.

Правда, немного странно, но с тех пор в России почему-то ничего не получается вопреки. Например, она никак не становится разумной и сильной державой ни вопреки, ни даже благодаря нам и нашей созидательной деятельности. Опять парадокс, чёрт возьми.

Мы говорим, что ты сам хотел развязать войну, хотя так и не нашли ни одного документа, доказывающего это.

Мы говорим, что ты убил всех красных офицеров, и порой даже возводим убиенных тобой военспецов на пьедестал, а тех, кого ты не убил, мы ненавидим и затаптываем. Ты убил Тухачевского и Блюхера, но оставил Ворошилова и Будённого. Поэтому последние два – бездари и ублюдки. Если б случилось наоборот и в живых оставили Тухачевского и Блюхера, то бездарями и ублюдками оказались бы они.

Как бы то ни было, мы твёрдо знаем, что ты обезглавил армию и науку. То, что при тебе мы вопреки тебе имели армию и науку, а при нас не разглядеть ни того, ни другого, не отменяет нашей уверенности.

Мы говорим, что накануне ужасной войны ты не захотел договориться с «западными демократиями», притом что одни «западные демократии», как мы втайне знаем, сами прекрасно договаривались с Гитлером, а другие западные, а также отдельные восточные демократии исповедовали фашизм и строили фашистские государства. Мало того, одновременно финансовые круги неземным светом осиянных Соединённых Штатов Америки вкладывали в Гитлера и его поганое будущее огромные средства.

Мы простили всё и всем, мы не простили только тебя.

Тебя ненавидели и «западные демократии», и «западные автократии», и эти самые финансовые круги, и ненавидят до сих пор, потому что помнят, с кем имели когда-то дело.

Они имели дело с чем-то, по всем показателям противоположным нам. Ты – иная точка отсчёта. Ты другой полюс. Ты носитель программы, которую никогда не вместит наше сознание.

Ты стоял во главе страны, победившей в самой страшной войне за всю историю человечества.

Ненависть к тебе соразмерна только твоим делам.

Ненавидят тех, кто делает. К тем, кто ничего не делает, нет никаких претензий. Напомнить, чем занимались главы Польши, Франции, Норвегии, едва началась война?

Они не отдавали приказ «Ни шагу назад!». Они не вводили заградотряды, чтобы «спасти свою власть» (именно так мы, альтруисты и бессребреники, любим говорить о тебе), – потому что, если б они ввели заградотряды – их бы убили первыми. Они не бросали полки и дивизии под пули и снаряды, не заливали кровью поля во имя малой высоты. Они не заставляли работать подростков на военных заводах, они не вводили зверские санкции за опоздание на работу. Нет! Их граждане всего лишь спокойно и ответственно трудились на гитлеровскую Германию. Какие к ним могут быть претензии? Претензии всего мира обращены к тебе.

При тебе были заложены основы покорения космоса – если б ты прожил чуть дольше, космический полёт случился бы при тебе – и это было бы совсем невыносимо. Представляешь? – царь, усатый цезарь, перекроивший весь мир и выпустивший человека, как птенца, за пределы планеты – из своей вечно дымящей трубки!

О, если б ты прожил ещё полвека – никто б не разменял великую космическую одиссею на айподы и компьютерные игры.

Да, к тому же при тебе создали атомную бомбу – что спасло мир от ядерной войны, а русские города – от американских ядерных ударов, когда вместо Питера была бы тёплая и

фосфоресцирующая Хиросима, а вместо Киева – облачный и мирный Нагасаки. И это было бы торжеством демократии, столь дорогой нам.

Ты сделал Россию тем, чем она не была никогда, – самой сильной страной на земном шаре. Ни одна империя за всю историю человечества никогда не была сильна так, как Россия при тебе.

Кому всё это может понравиться?

Мы очень стараемся и никак не сумеем растратить и пустить по ветру твоё наследство, твоё имя, заменить светлую память о твоих делах – чёрной памятью о твоих преступлениях.

Мы всем обязаны тебе. Будь ты проклят.

Российская либеральная общественность

Почему я не либерал

Либералом быть легко: везде свои.

Либералом быть хорошо: он и сам за всё хорошее.

Либерал не любит мрачное, суровое, марширующее. Горн, барабан, дробь. Картечь, государеву службу, «Катюшу». Марфушу, крестьян сиволапых, берёзки. Почву, кровь.

Во всём этом либерал задыхается.

Во всём этом душно, как в гробу.

Он кривляется не от злобы, а от муки: ему и правда невыносимо. Вокруг него всё время как бы настраивается оркестр, только вместо струнных и духовых – танковые дула, берёзовые полешки, строчка из Есенина, русское самодовольство, щи кипят и пахнут.

Россия со всем её бараклом – куда она годна? Избы, заборы, Байконур за пограничным столбом. Привычка чесаться всеми когтями, дружить с сатрапами, тосковать по тиранам. Советская литература, попы на джипах.

В нашем скудном понимании хороший русский человек – он как дерево. Деревья не умеют ходить. Вцепились в свою землю как мертвецы. В голове – воронье гнездо. Ждут лесника, но, кажется, приближаются браконьеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.